

ОСОБЕННОСТИ ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

РОМАН ЮРЬЕВИЧ ФЕДОРОВ

(Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН:
Российская Федерация, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86)

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ТИТОВЕЦ

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Республики Беларусь: Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2)

АКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА БОГОРДАЕВА

(Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН:
Российская Федерация, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86)

***Аннотация.** Статья посвящена изучению особенностей поминальной обрядности потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX — начала XX в. проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. На основе обобщения результатов этнографических экспедиций, проведенных в ряде регионов России и Беларуси, рассмотрены примеры сохранения или трансформаций отдельных элементов поминальной обрядности. Собранные полевые материалы сопоставлены с этнографическими описаниями обрядовых традиций белорусов, сделанными во второй половине XIX–XX столетиях. Проведенные сравнительные исследования свидетельствуют о том, что у потомков белорусских переселенцев за более чем сто лет автономного проживания за пределами материнского этнокультурного пространства утратились отдельные элементы поминальной обрядности, сохранившиеся в местах выхода их предков, но остались в неприкосновенности ее сущностные основы. Данное предположение подтверждает большое количество зафиксированных во время этнографических экспедиций суеверий, связанных с «наказанием свыше» тех людей, которые отступают от сложившихся в обрядовой практике норм и запретов. Сегодня основными носителями традиционных элементов поминальной обрядности являются представители старшего поколения, тогда как потомки белорусских переселенцев, рожденные во второй половине XX в., все чаще приносят в жизнь деревни современные прототипы поминальной культуры из городской среды.*

***Ключевые слова:** поминальная обрядность, белорусы, Сибирь, Дальний Восток.*

Поминальная обрядность, как правило, является одним из наиболее стойких проявлений традиционной культуры многих этносов. Во время экспедиционных этнографических исследований в местах компактного проживания потомков

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-21-01004а (м).

белорусских крестьян, переселившихся на территорию Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в., ее отдельные элементы, привнесенные из мест выхода переселенцев, в той или иной степени сохранности можно было обнаружить почти в каждой деревне. Однако, наряду с сохранением тех или иных атрибутов поминальной обрядности, присущих белорусам, нам неоднократно доводилось видеть примеры их существенных трансформаций, связанных с целым рядом социальных и этнокультурных факторов.

На территории Викуловского р-на Тюменской обл. сохранился куст деревень, основанных переселенцами из Могилевской губ. в конце XIX — начале XX в. В то время в Сибири уже успела сложиться прослойка русского старожильского населения, значительная часть предков которого поселилась на этих землях в течение XVII–XVIII вв. Таких людей, как правило, именовали чалдонами. В противовес этому крестьян, прибывавших в Сибирь со второй половины XIX в. из западных губерний, часто называли самоходами. Наиболее распространенным данным самоназванием было среди белорусских переселенцев. По одной из версий его происхождение связывают с белорусским словом «самохаць», которое означает «добровольно, по собственному желанию» [Багашев, Федоров 2012, 125]. В жизни самоходских деревень этого района можно проследить многие отголоски региональных особенностей белорусской похоронной и поминальной обрядности.

Местные жители, родившиеся в 1920-х и 1930-х гг., отмечают, что еще во времена их молодости людей было принято хоронить в день смерти в том случае, если она произошла до заката. Если смерть наступала вечером, усопшего предавали земле на следующий день. Постепенно начиная с 1960-х гг. похороны все чаще стали устраиваться на третий день, как это было принято в городской среде. При этом, по словам старожилов, обязательные прежде поминки усопшего на третий день потеряли свой смысл. Ночью перед гробом обычно сидели близкие родственники

покойного. Перед похоронами крест, который собирались поставить на могиле, заносили в дом усопшего и ставили в красном углу. В д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл., когда несли гроб на кладбище, было принято «кидать елочку» — устилать похоронный путь пихтовыми лапами. Впереди похоронной процессии несли икону и завернутый в рушник хлеб. Далее следовали люди, которые несли венки, крест и гроб. На вопросы о том, почему путь на кладбище устилают именно пихтой, Домна Артемьевна Морозова (Лоншакова) высказала предположение, что это дерево росло рядом с хлевом, в котором родился Христос, и оно символизирует вечную жизнь (Зап. от Д. А. Морозовой (урожд. Лоншаковой), 1925 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.)². Когда-то неотъемлемой частью похоронного обряда были плакальщики, но сейчас их почти не осталось. Говоря о смерти, старожилы часто используют метафоры, связанные с дальней дорогой.

Поминки было принято справлять на 3 дня, 9 дней, 3 недели, 6 недель (40 дней), полгода и год. Среди поминальных блюд большинство информаторов называют блины, «оладки кислые», приготовленные из пшеницы, кашу, борщ и жареную картошку. Кутью чаще делали перед Рождеством и Крещением. Из алкогольных напитков, присутствовавших на поминальной трапезе, традиционным считалось домашнее пиво. Большинство опрошенных старожилов отмечало, что поминать водкой и вином в их деревнях раньше было не принято. Вместо спиртных напитков гости приносили на поминки сладости и хлеб (Зап. от Евдокии Елисеевны Черноковой, 1922 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). При этом представители старших поколений до сих пор продолжают считать, что на поминках должен присутствовать только строго определенный традициями набор блюд, в который не следует включать посторонние компоненты: «...сейчас накроют на стол как на свадьбу. Это не поминки, это грех» (Зап. от той же); «...теперь поминуют что ложку некуда покласть» (Зап. от

² Представленные в статье полевые материалы хранятся в личных архивах авторов. Большинство записей относятся к Викуловскому р-ну Тюменской обл., поэтому в сведениях о них указывается только населенный пункт. При единичных записях, сделанных в Приморском крае и Белоруссии, сохранены сведения о районе, области и т.д.

Федоры Даниловны Суздалевой, 1923 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.), К одной из характерных черт традиционной культуры белорусских переселенцев исследователи относят обязательное нечетное количество поминальных блюд [Белорусы в Сибири 2011, 87].

Раньше на поминки в первую очередь было принято звать тех людей, которые участвовали в похоронах умершего (те, кто обмывал покойного, делал гроб, копал яму). Когда таких людей приглашали в дом, часто говорили такие иносказательные фразы, как «бабушка тебя звала сегодня на обед» (зап. от Д. А. Морозовой, 1925 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). На 40 дней, во время завершения поминальной трапезы, было принято пускать по кругу кружку с водой, из которой каждый присутствующий должен был сделать глоток. Пришедшим нередко раздавали платки белого цвета. После этого все выходили за ворота, вынося из дома икону. Каждый присутствующий целовал икону и как бы прощался с духом умершего. После этого участники поминок отправлялись на кладбище (Зап. от той же.).

Для белорусских переселенцев важным атрибутом поминок являлась «салодкая вада» (сладкая вода). Для ее приготовления в чашку наливали воду, добавляли в нее сахар и крошили хлеб. Затем каждый из присутствующих на поминках съедал по ложке этого блюда. Еще одна распространенная традиция заключалась в том, что в красном углу дома умершего на протяжении шести недель ставили сосуд с водой, на который клался хлеб. Воду меняли каждый день в течение всех шести недель.

Среди поминальных дней практически все потомки белорусских переселенцев наиболее значимыми считают Радуницу и Деды. Во многих семьях Радуница была главным поминальным праздником. В этот день обязательно было принято поминать умерших родственников на кладбище. В д. Ивановка Михайловского р-на Приморского края, а также в д. Озёрки Табаринского р-на Свердловской обл. на Радуницу раньше, как правило, накрывали на кладбище общий поминальный стол. На территории Викуловского р-на Тюменской обл. такие общие трапезы не практиковались. Федосия Александровна Усольцева отмечала, что раньше полотенце, на которое

выставлялись поминальные блюда, стелили прямо на могилу, потому что на кладбище тогда редко ставили столики (Зап. от Ф. А. Усольцевой (урожд. Заикиной), 1934 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). Полевые материалы, собранные на территории Беларуси, также свидетельствуют о том, что на Радуницу поминальную трапезу часто совершали на скатерти, которую расстилали на могиле умершего [Традиционная культура белорусов 2013, 144]. Из пищи чаще всего приносили яичницу и блины. Они должны были быть обязательно горячими. Надежда Ивановна Садовская связывала эту традицию с необходимостью «передать тепло предкам» (Зап. от Н. И. Садовской, 1954 г.р., д. Ивановка, Михайловский р-н, Приморский край. Соб. Р.Ю. Федоров. 2013 г.). В подобном объяснении можно проследить общие корни с описанными В. Я. Проппом архаическими поминальными обрядами, во время которых было принято «греть родителей» [Пропп 2009, 22]. В Викуловском р-не Тюменской обл. для поминок также пекли специальные булочки — милостины (милостинки). Их намазывали сверху сметаной и яйцами. На милостину было принято сверху положить три блина и одно яйцо. Считалось, что на Радуницу милостину нужно подарить трем людям.

В Приморском крае, по рассказам жительницы д. Ивановка Н. И. Садовской, потомки белорусских и украинских переселенцев чаще называли Радуницу «родительским днем», как это сегодня принято в большинстве регионов России. С их слов, из-за того, что священнослужитель был один на весь район, в деревнях поминовение усопших происходило в разные дни. В одной деревне родительский день мог отмечаться в понедельник, на следующую неделю после Пасхи, в другой — во вторник, в третьей — в среду. Примечательно, что в современной Республике Беларусь Радуница, отмечаемая во вторник, является официальным выходным днем, а в разных районах Украины праздник сегодня может отмечаться как в понедельник, так и во вторник. Присутствие священнослужителя в дни поминовения наши респонденты считали обязательным. В советское время был период, когда глава сельсовета делал днем поминовения воскресенье, чтобы не занимать им

рабочие дни. Причины перечисленных выше различий в названии и времени проведения праздника можно связать с несколькими факторами. Во-первых, в годы советской власти местные жители были вынуждены отступать от традиций ввиду недостатка священнослужителей и невозможности нарушать установленный сельсоветом трудовой распорядок. В то же время в некоторых районах Украины на «проводное воскресенье» (проводы Пасхи), называемой по церковным канонам Антипасхой, было принято ходить на кладбище поминать родственников. В некоторых поселениях граничащего с Украиной Ельского р-на Гомельской обл. считают воскресенье Радовницей, а вторник — Проводами Радовницы. Проводы Пасхи могут быть и в понедельник [Антипасха 2015]. Данные сведения во многом проливают свет на особенности поминальных традиций в Михайловском р-не Приморского края.

В отличие от Приморского края, в д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл. Радуницу отмечали в положенный день, несмотря на запреты начальства: «Раньше не отпускали на Родительский день. Все идут на работу с сумочками, заходят на кладбище. Побудут, потом на работу» (Зап. от Елены Тимофеевны Сердюковой, 1934 г.р., д. Еловка. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.).

Во многих рассказах местных жителей можно проследить противоречивые оценки значения Троицкой субботы. Так, по словам Е. Т. Сердюковой, незадолго до своей смерти ее бабушка говорила: «...ни в какой день к нам не ходите, только в наш день — родительский, а то на Троицу, на Вшестю (Вознесение. — Прим. авт.) нас к Вам не пускают, мы не ходим к Вам». Далее она отмечает: «На Троицу чаще приезжали из далка, дети умерших, а мы не ходили» (Зап. от той же). Однако на территории Таборинского р-на Свердловской обл. и Михайловского р-на Приморского края для многих потомков белорусских переселенцев было свойственно устраивать поминки дома или ходить на кладбище в субботу перед Троицей. Бытование этой традиции у белорусов в Приморском крае подтверждают и многочисленные записи, сделанные Л. Е. Фетисовой [Фетисова 2002, 101]. Опираясь на результаты полевых этнографических материалов,

собранных в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев на территории Западной Сибири, Е.Ф. Фурсова сделала предположение, что обычай поминать родителей и ходить на кладбище в первый день Троицы люди старшего возраста считают относительно поздним [Белорусы в Сибири 2000, 115].

Вшестей (Шестей) у самоходов Викуловского р-на было принято называть Вознесение. Местные жители объясняют это народное название словами «шесть недель от Пасхи». Феодосия Александровна Усольцева, чьи предки были из Харьковской губ., отмечала, что в ее семье на Вшестю было принято ходить на кладбище (Зап. от Ф. А. Усольцевой (урожд. Заикиной), 1934 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). Этот же обычай был распространен у чалдонов, тогда как среди самоходов посещать в этот день кладбище было не принято. Примечательно, что слово *Вшестя* для народного обозначения Вознесения Господнего более характерно для украинцев, тогда как на территории Беларуси для этого праздника чаще используется слово *Ушэснік*.

Многие представители старшего поколения продолжают отмечать *Деды*. Если в различных регионах Беларуси этот праздник могли отмечать четыре раза в году, то на территории Викуловского р-на его бытование сохранилось лишь на Дмитриевскую субботу. В советский период календарным ориентиром проведения праздника для многих являлось 7 ноября: «...мы *Деды после Октября справляли*» (Зап. от Евдокии Елисеевны Черняковой, 1922 г.р., д. Ермаки. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). Кладбище в этот день не посещали. Основная суть обряда сводилась к особой поминальной трапезе. Вечером в пятницу готовились постные блюда (картошка, соленые огурцы, грибы и т.д.) и оставлялись на ночь на столе накрытыми рушником. Считалось, что ночью все умершие предки представителей рода, проживавшего в доме, приходили на приготовленную для них трапезу. Утром в субботу оставшуюся со вчерашнего дня пищу доедали, а позднее накрывали стол со скоромными блюдами (блины, каша, котлеты и т.д.). Раньше спиртным не поминали, но сейчас в некоторых семьях на ночь на столе оставляют рюмку водки. У сибирских старожилов — чалдонов не

было аналогов «Дедов». Однако, по словам Ф. А. Усольцевой, родившейся в чалдонской деревне Тамакуль, после переезда ее семьи и других иноэтничных жителей в самоходскую д. Ермаки, все они (чалдоны, вятские, украинцы и др.) начали справлять Деды с местными жителями.

Среди старожилых белорусских деревень Викуловского р-на Тюменской обл. сохранился ряд рассказов о случаях, связанных с «наказуемостью свыше» тех людей, которые нарушили каноны проведения «Дедов». Приведем несколько наиболее ярких примеров. *«Мишка жил с Манькой. Еще жила у них Тонька. На “Деды” они поужинали, продукты на столе оставили. Накрыла их Манька скатертью. Лягли спать. Манькина связка в доме ночавала. Тонька прибегла. Она гуляла и не успела на этот ужин. Прибегла, открыла скатертьку и стала есть. Поела, всю посуду перемыла, поставила и лягла. Ночью все проснулись и слышат: на кухне ложками брак-брак, брак-брак... Мишка заходит на кухню и видит — за столом сидит матка, которая памёрла его, дядька и их парнишечка ладненький годов пять. Сидят за столом и ложками бракают, есть хотят. Он говорит, у меня волоса дыбом, скорей к Маньке под крыло. Манька говорит, я спала, не слышала. А связуха спала, слышала, як бракают. Мишка сам в это никогда не верил, а тут уверовал»* (Зап. от Ф. Д. Суздальной, 1923 г.р., д. Ермаки. Соб. Р. Ю. Федоров, 2014 г.); *«...мальчик подошел к накрытому на ночь на Деды столу, стул поставил, сел и ноги положил на подножку и вдруг закричал: “Ой мама, меня ктой-то по руке бьет, по ногам бьет!” А он до этого взял со стола блин, пока он еще не остыл и от него не перестал идти пар. В это время нельзя было садиться за стол и ничего с него брать, потому что за ним сидели деды»* (Зап. от Е. Т. Сердюковой, 1923 г.р., д. Еловка). Таким образом умершие предки имели возможность принимать участие в поминальной трапезе в тот момент, пока еда была горячей, и они могли ее пробовать через исходящий от нее пар. Это представление ранее имело широкое распространение в поминальной обрядности всех восточнославянских народов. Например, Д. К. Зелениным были описаны многочисленные случаи, когда жители разных местностей называли пар «пищей

покойников» [Зеленин 1991, 356]. Примечательно, что по сохранившимся среди белорусских переселенцев поверьям на подножке стола сидели умершие маленькие дети. Поэтому во время поминальной трапезы на «Деды» нельзя было ставить ноги на подножку.

Наряду с воспоминаниями о проведении Дедов потомками белорусских переселенцев в Сибири, мы располагаем этнографическими описаниями, сделанными во второй половине XIX и в XX столетии [Богданович 2009; Зеленин 1991; Пропп 2009; Шейн 1887], а также современными записями, сделанными недалеко от мест выхода предков переселенцев на территории Беларуси. Подобное многообразие источников дает нам возможность выявить некоторые региональные вариации обряда и исследовать его трансформации на сибирской земле. А. Е. Богданович выделял в календарной обрядности белорусов четыре поминальных дня, которые относили к «Дедам»: в субботу перед мясопустной неделей, во вторник на Фоминой, накануне Троицы и на Дмитриевскую субботу [Богданович 2009, 45]. В записанных нами в июне 2014 г. рассказах белорусов, проживающих в Сибири, везде присутствовали воспоминания лишь о «Дмитриевских Дедах». При этом Радуница, относимая А. Е. Богдановичем к одним из «Дедов», отождествлялась у информаторов с отдельным поминальным праздником. На сегодняшний день нам еще предстоит найти объяснения сохранности именно осенних «Дедов» среди переселенцев.

Приведем для сравнения с изложенными выше сибирскими материалами современное описание празднования «Дедов» на территории Беларуси. *«Перед “Дедами” топили баню. В это время хозяйка топила печь, готовила еду, закваску на блины готовила заранее. Когда вся семья помылась в бане, оставляли на полке веник и таз с водой “Дедам”. После бани хозяйка на стол стелила самотканую скатерть. Перед иконой ставила свечку и зажигала ее. На стол возле свечки оставляли “Дедам” ложку, вилку, «перевернув их вниз», и ставили рюмку. На стол для семьи хозяйка ставила блины, укрытые самотканым полотенцем, хлеб, ложки, вилки и рюмки. Перед началом “Дедов” хозяйка на коленях молилась перед иконой. Потом вся семья садилась за стол.*

Первое блюдо — «Канун». Это кусочки преснока, заправленные медовой водой. Хозяйка это блюдо крестила, первую ложку ложила «Дедам», и только после этого вся семья ела по три ложки, но можно и больше. Ели из общей посуды. Потом хозяйка уносила первое блюдо, а на его место ложили кусок хлеба, чтобы место не пустовало. И так каждое блюдо, которое хозяйка приносила, она крестила, первую ложку ложили «Дедам», а после того, как его убрали, на место ложили кусок хлеба. Вся семья ела по три ложки, но можно и больше.

Перед вторым блюдом «Поливкой» наливали рюмку «Дедам», а потом выпивали сами. Во время «Дедов» выпивали три рюмки. «Поливку» варили с мясом, луком, приправой.

Третье блюдо — «Вареное мясо». После этого блюда тушилась свеча.

Четвертое блюдо — «Яичница с салом и колбасой».

Пятое блюдо — «Оладьи со сметаной».

Шестое блюдо — «Клёцки с молоком».

Седьмое блюдо — «Гречневая каша». Ставили ее в чугунок, и она не убиралась со стола.

После каши хозяйка молилась. Потом вся семья вставала из-за стола.

Во время «Дедов» нельзя было вставать и уходить. Только хозяйка могла вставать из-за стола и подавать блюда с едой.

После «Дедов» нельзя было работать, только справлялись по хозяйству.

На каждые «Деды» хозяйка молилась по-разному, молитвы были другие, соответственные «Дедам» (Зап. от Владимира Николаевича Вороновича, 1958 г.р., д. Попарное, Крупский р-н, Минская обл. Соб. Е. В. Харковец, 2014 г.).

При сопоставлении приведенного выше рассказа с воспоминаниями белорусских переселенцев в Сибири бросается в глаза то, что у последних за почти сто лет автономного проживания за пределами материнского этнокультурного пространства оказались утраченными многие ритуальные детали обряда, например, строгая последовательность блюд, которые готовили для поминальной трапезы. В то же время можно отметить стойкость ценностно-смыслового ядра обряда, что свидетельствует о сохранении у переселенцев его сущностных основ при утрате частных деталей.

Среди потомков белорусских переселенцев сохранились устные рассказы на сюжеты, связанные с подземным миром. Например: «Бабушка рассказывала. Это происходило у них в Расии. Говорят, строили церковь 12 братьев. Как день строят, так она в зямлю уходит. 12 лет строили. При этой церкви жили старик со старушкой. 12 лет прошло. Старушка встала, в окно глядит, звук такой, как гром. Она говорит: «Дедушка, вставай, смотри, вся церковь из земли вышла, колокола висят!» Дедушка говорит: «Давай Богу молиться!» Бабушка говорила, что ту церковь 12 братьев строили и один сломал ногу и умер. Они построили такую комнату для себя. Когда они умерли, их всех 12 похоронили в той комнате. Покрывалы были зялные, бархатные» (Зап. от Е. Т. Сердюковой, 1923 г.р., д. Еловка. Соб. Р. Ю. Федоров, 2014 г.). Данный рассказ на первый взгляд имеет сходство с многочисленными преданиями о церкви, провалившейся под землю или поглощенной горой: «Этот холм, вероятно, старое замчище; но крестьяне говорят, что на нем давным-давно стояла церковь и провалилась. Они утверждают, что на Рождество, на Пасху и некоторые другие праздники, если приложить ухо к горе, то в ней слышится колокольный звон и пение» [Богданович 2009, 21]. А. Е. Богданович связывал происхождение этих преданий с тем, что в дохристианскую историю этих мест на горах и холмах нередко располагались языческие капища и жертвенники [Богданович 2009, 21]. На территории Белоруссии также можно встретить большое количество рассказов о том, как в результате какого-либо проклятия церковь уходила под землю и на месте провала возникало озеро [Легенды і паданні 1983, 332, 395, 397–398; Легенды і паданні Віцебшчыны 2002, 77]. Зафиксированная в Еловке вариация этого фольклорного сюжета имеет свои нетипичные элементы, аналогичные примеры которых нам не удалось выявить на территории Беларуси. К ним можно отнести количество братьев, строивших церковь, сравнимое с числом апостолов. Также для традиционных вариантов подобного сюжета нехарактерно то, что спустя 12 лет церковь вышла из земли.

Среди потомков белорусских переселенцев немало суеверий было связано с «пасхой мертвых», которую также

Могильные кресты, украшенные рушниками на кладбище д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. Фото Р. Ю. Федорова. 2011 г.

Tumulary Crosses, that are Decorated with Towels at the Cemetery of Osinovka the Village of Vikulovo District of Tyumen' Region. Photo by R. Yu. Fedorov. 2011

называли «Нуськи великдзень». В разных деревнях этот праздник выпадал на четверг перед Пасхой либо на четверг, следующий после нее, как это было принято в д. Ермаки. Для многих, даже пренебрегавших другими суевериями старожиллов, этот день оставался единственным праздником, когда ни в коем случае нельзя было работать. В качестве иллюстрации к этому обычаю приведем следующий рассказ: «В этот день мой отец пошел по дрова. Бярозу подвалили вот такенную. Стал подымить и надорвался. Привязли домой. Здесь он до воскресенья побыл и помер. Раньше было много таких случаев. Старуха с сыном пошли в дровы. Попилили там сколько надо колоть. Чурки начали колоть. Сын колонул, и ему пальцы отрубилло. Нам родители наказывали: “Деточки, лучше поляжите этот день, но никуда не ходите”. Мамка говорила, что в этот день было много подобных случаев, и я сейчас своим детям наказываю в этот день ничего не делать. “На свою Пасху ничего не делайте, и на мертвых не надо”, — говорила мама» (Зап. от Ф. Д. Суздалевой, 1923 г.р., д. Ермаки. Соб. Р. Ю. Федоров. 2014 г.).

Среди представительниц старшего поколения многих деревень, основанных белорусскими переселенцами, большое значение сохранили сакральные функции рушников. Уникальность роли рушника в восточнославянской культуре, состоит в том, что он являлся важной частью магических действий, сопровождавших практически все важные обряды перехода. В деревнях Ермаки и Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. до сих пор сохранилась традиция обвязывать рушниками могильные кресты после похорон, а также на Радунцу. Такой рушник местные жители называют утиральником. Полевые материалы указывают на то, что на крест вешали именно рушник, который лежал у покойника в сундуке. Если такового не было, рушник мог быть новым. В настоящее время в случае отсутствия домашнего рушника на крест могут повесить покупное, фабричное полотенце. По словам Домны Артемьевны Морозовой, на кресты, как правило, вешали рушники, которые были короче тех, которые лежали в сундуках (их еще называли наметки, божницы) (Зап. от Д. А. Морозовой, 1925 г.р., д. Ермаки. Соб. Р. Ю. Федоров. 2014 г.). Елена Тимофеевна Сердюкова

объясняла назначение утиральников следующим образом: «Похоронят, обязательно полотенце нужно. У нас бабушка была жива, мы спрашивали: на что полотенце? Она говорила: “а ён как устает, за полотенце держится”. Чаще всего вешали новый рушник» (Зап. от Е. Т. Сердюковой, 1934 г.р., д. Еловка. Соб. Р.Ю. Федоров. 2014 г.). Прасковья Никитична Попова отмечала, что в их деревне рушник на крест старым повязывали, а молодым нет (Зап. от П. Н. Поповой, 1925 г.р., д. Еловка. Соб. Р. Ю. Федоров. 2014 г.).

Жители д. Ивановка Михайловского р-на Приморского края считали традицию повязывать рушники на могильные кресты характерной как для белорусов, так и для украинцев. В настоящее время в их деревне она почти не сохранилась. Местные жители объясняют утрату этой традиции тем, что современные мраморные надгробные памятники стало неудобно обвязывать рушниками. При осмотре кладбища Ивановки нами были обнаружены специфические примеры модернизации этого обряда. Несколько

металлических памятников, увенчанных звездой, были обвязаны красными лентами или выцветшими от времени полотенцами. На одном кресте был повязан не традиционный домотканый рушник, а полотенце фабричного производства. Другой мраморный памятник на недавнем захоронении был обвязан саваном с православной символикой. Старожилы Викуловского р-на Тюменской обл. отмечали, что у них на кладбище не принято сразу ставить новые памятники, и деревянный крест должен простоять на могиле как минимум год.

Подводя итоги исследования, можно выделить основной круг оказавших влияние на трансформации поминальной обрядности причин, которые характерны не только для потомков белорусских переселенцев на территории Сибири и Дальнего Востока, но и для представителей многих других национальностей. Во-первых, к ним можно отнести процессы своеобразной секуляризации поминальной обрядности в советское время и их последующие модернизации в постсоветский

Намогильные памятники в д. Ивановка Михайловского р-на Приморского края. Фото Р. Ю. Федорова. 2013 г.

Tomb Monuments in Ivanovka the Village of Mikhaylovka District of Primor'e Territory. Photo by R. Yu. Fedorov. 2013

период. Во-вторых, во многих смешанных деревнях на потомков белорусских переселенцев оказали влияние традиции представителей других национальностей, проживавших по соседству. И в-третьих, в последнее время можно проследить все более активное привнесение в жизнь деревни современных элементов поминальной культуры из городской среды. Данная ситуация чаще всего возникает в тех случаях, когда проживающие в городе дети приезжают на похороны или поминки своих родителей или других родственников, живших в деревне, привнося в традиционные обрядовые действия новые городские стандарты. Мы

глубоко убеждены, что данные трансформации заслуживают пристального исследовательского внимания ввиду того, что их можно рассматривать в качестве своеобразных индикаторов, позволяющих судить о целом ряде социокультурных процессов, происходящих в современной российской деревне. Это, прежде всего, проблемы культурной преемственности поколений, критерии этнокультурной идентичности и межэтнических взаимодействий разных этносов, соотношение традиционных и инновационных элементов культуры в рамках определенного локуса и многие другие актуальные вопросы.

Литература

Антипасха 2015 — Антипасха. Неделя Фомы. Проводное воскресенье // Радость и практика веры и молитвы: Сайт Сергея Иванова, настоятеля Никольского храма в Телуше. URL: <http://otecsnerg.ru/antipasxa-nedelya-fomy-provodnoe-voskresene/> (дата обращения: 20.06.15).

Багашев, Федоров 2012 — *Багашев А. Н., Федоров Р. Ю.* Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51).

Белорусы в Сибири 2000 — Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000.

Белорусы в Сибири 2011 — Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011.

Богданович 2009 — *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. М., 2009.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

Легенды і паданні 1983 — Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі. Мінск, 1983.

Легенды і паданні Віцебшчыны 2002 — Легенды і паданні Віцебшчыны. Віцебск, 2002.

Пропп 2009 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. М., 2009.

Традиционная культура белорусов 2013 — Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Мінск, 2013.

Фетисова 2002 — *Фетисова А. Е.* Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.

Шейн 1887 — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887. Т. 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Федоров Р. Ю. — кандидат филос. наук, старший научный сотрудник Отдела биоресурсов криосферы Института криосферы Земли Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86; тел.: +7 (3452) 68-87-87, e-mail: r_fedorov@mail.ru

Титовец А. В. — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Республики Беларусь: Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; тел.: +3 (75 17) 284-18-81, e-mail: altsitavets@mail.ru

Богордаева А. А. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии и этнологии Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86; тел.: +7 (3452) 22-93-56, e-mail: bogordaeva@mail.ru

FEATURES OF OBIT RITES AMONG BELARUSIAN PEASANT MIGRANTS TO SIBERIA AND THE FAR EAST

ROMAN FEDOROV

(Tyumen' Research Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences:
86, Malygina str., Tyumen', 625026, Russian Federation)

ALEXANDR TITAVEC

(Research Center of Belarusian Culture, language and literature of the National Academy
of Sciences of Belarus: 1, build. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Belarus' Republic)

AKSANA BOGORDAEVA

(Tyumen' Research Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 86,
Malygina str., Tyumen', 625026, Russian Federation)

Summary: *There in the article we observe features of funeral and obit rites among descendants of the Belarusian peasant migrants, who have inhabited at the territory of Siberia and the Russian Far East since the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries. On the basis of generalization of ethnography materials collected by the authors from numerous regions of Russia and Belarus', examples of preservation or transformations of separate elements of funeral and obit ceremonialism are reviewed. Field recordings are compared with ethnographic descriptions of ceremonial traditions of Belarusians made during the second half of the 19th — the 20th centuries.*

Comparative research testifies that during autonomous dwelling outside maternal ethno-cultural space that lasted for more than hundred years, descendants of the Belarusian migrants have lost the elements of funeral ceremonialism which remained appearing at the localities from where exit of their ancestors had happened. At the same time it is possible to note firmness of ideological and semantic values of ceremonies that testifies preservation of the intrinsic essence of the ritual by migrants despite losing separate details. This assumption is confirmed by vast number of superstitions recorded during the ethnographic expeditions. Today representatives of the senior generation are main carriers of traditional elements of funeral ceremonialism whereas descendants of the Belarusian migrants born in the second half of the 20th century often introduce modern patterns of funeral culture from an urban environment to the local village life.

Key words: funeral and obit rites, Belarusians, Siberia, the Russian Far East.

Acknowledgements: *this research is supported by the Russian Fund for Humanities, project No. 13-21-01004a (m).*

References

- Antipaskha. Nedelya Fomy. Provodnoe voskresenè (2015) [Antipascha. St. Thomas the Apostle's Week. Low Sunday]. *Radost' i praktika very i molitvy. Sayt Sergeya Ivanova, nastoyatelya Nikol'skogo khrama v Telushe* [Joy and Praxis of Faith and Prayer. Sergey Ivanov, the St. Nikola's Templ at Telusha web-site]. URL: <http://otecserg.ru/antipasxa-nedelya-fomy-provodnoe-voskresene/> (addressed: 20.06.15). In Russian.
- Bagashev A. N., Fedorov R. Yu.** (2012) *Osobennosti etnokul'turnoy identichnosti belorusskikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri* [Features of Ethno-Cultural Identity of the Belarusian Migrants to the Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2012. No. 3 (51).
- Belorusy v Sibiri (2000) [Belarusians in Siberia]. Novosibirsk. In Russian.
- Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoy kul'tury (2001) [Belarusians in Siberia: Preservation and Transformations of the Ethnic Culture]. Novosibirsk. In Russian.
- Bogdanovich A. E.** (2009) *Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov* [Relicts of the Ancient World View Among Belarusians]. Moscow. In Russian.
- Fetisova A. E.** (2002) *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'ya* [Belarusian Traditions in Folk Culture and Everyday Life in Primor'ye]. Vladivostok. In Russian.
- Legendy i padanni (1983) Sklad. M. Ja. Grynblat i A. I. Gurski [Legends and Narratives. Comp. by Ja. Grynblat and A. I. Gurski]. Minsk. In Belarusian.
- Legendy i padanni Vicebshchyny (2002) [Legends and Narratives of Vitebsk Region]. Vitebsk. In Belarusian.
- Propp V. Ya.** (2009) *Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya*

[Russian Agrarian Holidays. Probe on Historical and Ethnographical Research]. Moscow. In Russian.

Sheyn P. V. (1887) Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya Severo-Zapadnogo kraia. Bytovaya i semeynaya zhizn' belorusa v obryadakh i pesnyakh. T. 1. [Materials for Studies of Everyday Life and Language of the Population of the Northern-Western Region. Everyday

Life and Family of Belarusians in their Rituals and Songs. Vol. 1]. St. Petersburg. In Russian

Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve (2013) [Traditional Culture of Belarusians in Time and Space]. Minsk, In Russian

Zelenin D. K. (1991) Vostochnoslavjanskaya etnografiya [East-Slavonic Ethnography]. Moscow. In Russian

ABOUT THE AUTHORS

Fedorov R.: e-mail: r_fedorov@mail.ru

Tel.: +7 (3452) 68-87-87

86, Malygina str., Tyumen', 625026, Russian Federation

PhD (Philosophy), senior researcher, department of Bioresources of the Cryosphere, Earth's Cryosphere Institute, Tyumen' Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Titavec A.: e-mail: altsitavets@mail.ru

Tel.: +3 (75 17) 284-18-81

1, build. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Belarus' Republic

PhD (Philology), senior researcher, department of folklore studies and culture of the Slavic people, Research Center of Belarusian culture, language and literature of the National Academy of Sciences of Belarus'

Bogordaeva A.: e-mail: bogordaeva@mail.ru

Tel.: +7 (3452) 22-93-56

86, Malygina str., Tyumen', 625026, Russian Federation

PhD (History), senior researcher of Laboratory of archeology and ethnology, Institute of the North Development, Tyumen' Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
